

Подумав о божественном плоде, который зрел в чреве юноши, Цзэлянь мягко произнёс:

— Не нужно так спешить. С верой в благовоения разберёмся постепенно. Главное — не переутомляйся.

Гу Пэйань почувствовал, как к сердцу подступило тепло. Надо же, неужели божественный покровитель искренне беспокоится о нём?

Похоже, их Божественный брак не был такой уж пустой формальностью.

— К слову, — неторопливо продолжил Цзэлянь. — Кое о чём мне следует тебя предупредить. Приготовился?

— К чему? — отозвался Гу Пэйань.

«Лишь бы не развод, — пронеслось в его голове. — Всё остальное я переживу».

— Ты носишь дитя, — спокойно объявил Цзэлянь.

— Что ты сказал?! — у Гу Пэйаня от изумления едва глаза на лоб не полезли.

Цзэлянь проявил терпение и мягко повторил:

— Ты беременен. В твоём чреве бьётся новая жизнь. Сроку, судя по всему, без малого месяц.

Гу Пэйань на миг оцепенел, а затем его рука сама собой скользнула к животу и... чуть ниже.

— Погоди, — растерянно вырвалось у него. — Но мы ведь... мы же ни разу этим не занимались!

«Неужели божество способно овладеть человеком тайно, пока тот ничего не чувствует?» — Гу Пэйань окончательно запутался в происходящем.

— Ты сам просил меня об этом, когда загадывал желание, — пояснил Цзэлянь. — Ты говорил, что мечтаешь о ребёнке.

И тут в памяти Гу Пэйаня действительно всплыл тот вечер.

Тогда, под куполом бушующего звездопада, он зажмурился и без особой надежды умолял небеса ниспослать ему чудо.

— Так, значит... ты и есть то самое милосердное божество из легенд? — прошептал он.

Цзэлянь едва заметно нахмурился, но тут же расправил плечи.

— Не понимаю, о чём ты, — ровно отозвался он. — Но раз уж ты просил о дитяти, я исполнил твою просьбу. Теперь назад дороги нет. Поздние сожаления бессмысленны.

— Я и не думаю жалеть! — поспешно заверил его Гу Пэйань.

Видит бог, он грезил о собственном ребёнке сколько себя помнил! К тому же неожиданная беременность могла избавить его от множества навалившихся проблем.

Божество вряд ли стало бы лгать по такому поводу. Гу Пэйань бережно приложил ладонь к животу. Теперь всё сходилось: и внезапно проснувшийся зверский аппетит, и пара лишних килограммов, невесть откуда взявшихся за последние дни. Внутри него действительно теплилась крошечная жизнь. Радость мешалась в душе со сладким, пугающим трепетом.

— Спасибо тебе, — от всего сердца произнёс он.

Гу Пэйань окончательно убедился, что Цзэлянь — замечательное, доброе божество. И дело тут было вовсе не в банальной вежливости: он искренне, всем сердцем захотел сблизиться с ним по-настоящему.

Если выражаться высокопарно, он вознамерился растопить ледяное сердце своего покровителя.

А если попроще — он твёрдо решил его захомутать.

— И всё же, — полюбопытствовал Цзэлянь, — почему ты так жаждал обзавестись потомством?

Ему и раньше доводилось слышать подобные просьбы от смертных женщин, но чтобы мужчина с таким неистовством вымаливал дитя — с подобным божеством сталкивалось впервые.

Гу Пэйань на мгновение задумался.

— Наверное, я слишком долго был один, — тихо ответил он. — Мне просто хотелось, чтобы в этом мире у меня появился родной человек. Моя настоящая семья.

Цзэлянь слегка опешил.

Ему было известно, что в нынешнем высокотехнологичном человеческом обществе заводить

детей стремились лишь две крайности — бедняки на задворках обитаемых миров да баснословные богачи. И цели у всех были сугубо прагматичные: продолжить род, передать по наследству колоссальные капиталы или обеспечить себе безбедную старость. Простой и чистый мотив Гу Пэйаня казался на их фоне удивительной редкостью.

— Но почему бы тебе не найти себе пару? — спросил Цзэлянь. — Союз с другим человеком избавил бы тебя от одиночества не хуже.

— Нет, это совсем другое, — покачал головой Гу Пэйань. — Любовники приходят и уходят, а ребёнок останется с тобой навсегда.

К тому же Гу Пэйань был не просто неисправимым романтиком, но и убеждённым геем с запредельными требованиями к мужской внешности. Ежедневно созерцая в зеркале собственный безупречный лик, он задрал планку красоты так высоко, что обычные смертные казались ему серыми и невзрачными. Среди них он попросту не мог встретить кого-то, кто заставил бы его сердце биться чаще.

Цзэлянь задумчиво молчал.

— Да и к тому же, разве сейчас я не обрёл то, что искал? — с лукавой усмешкой подмигнул ему Гу Пэйань.

«Загадал желание о наследнике, а получил двойную выгоду: дитя и божественного супруга в придачу, — весело подумал он. — Пожалуй, более прибыльной сделки в моей жизни ещё не случалось».

— И что же ты обрёл? — спросил Цзэлянь.

— Свою половинку, — Гу Пэйань шутливо прищурился.

Цзэлянь промолчал, сообразив, что возразить ему, в сущности, нечего.

Разговор завязался сам собой, и Гу Пэйань впервые решился приоткрыть завесу над своим прошлым. Теми мрачными, безрадостными годами, о которых не догадывался даже его личный агент, знавший артиста без малого вечность.

Кому бы только пришло в голову, что у блистательного любимца публики, чьё имя гремело по всей Галактике, за плечами столь беспросветное, полное лишений детство?

Гу Пэйань вовсе не искал сочувствия и не пытался вызвать жалость. Просто раз уж они делят ложе и связаны божественным браком, божеству-покровителю следовало знать его настоящего.

— Мой отец был археологом. Тебе ведь знаком этот труд?

Цзэлянь качнул головой.

— Знаком.

В его памяти археологи времён Голубой звезды пользовались почётом и уважением, а их ремесло считалось благородным и престижным делом.

Однако из горького рассказа юноши следовало, что в современной Галактической Федерации от бывшего величия этой науки не осталось и следа. Ныне археологи превратились в глазах общества в жалких маргиналов.

Поскольку ниточки, связывающие людей с древней земной культурой, давно оборвались, обыватели не верили историкам, почитая их за обыкновенных шарлатанов. Кому понравятся безумцы, колесящие по окраинам Вселенной в поисках космического мусора и то и дело заявляющие об очередном «величайшем открытии»? Это казалось публике нелепым вздором.

В Федерации даже рядовой офисный клерк стоял на социальной лестнице неизмеримо выше, чем заслуженный искатель древностей.

Многие преданные делу учёные ради крупниц истины влезали в непосильные долги, дочиста разорялись и, оставшись без гроша в кармане, сводили счёты с жизнью в дешёвых съёмных трущобах.

Отец Гу Пэйяня разделил эту печальную участь.

Официальные сотрудники Федерального бюро археологии жили сносно, но отец Пэйяня терпеть не мог бюрократии. Он предпочёл остаться независимым исследователем. В одиночку фрахтуя звездолёты для экспедиций к заброшенным мирам, он быстро увяз в долгах, исчислявшихся миллионами кредитов.

Когда мальчику исполнилось три года, спасающийся от кредиторов мужчина увёз семью на полузаброшенную планету низшего класса. Из-за чудовищного радиационного фона жизнь там была невыносима, а выживать приходилось ручным сбором металлолома.

В конце концов мать не выдержала нищеты и сбежала с пилотом военного истребителя, оставив супруга наедине с маленьким сыном и горой неоплаченных счетов.

К шестнадцати годам Гу Пэйянь лишился и отца. На его неокрепшие плечи навалилось всё непосильное долговое бремя покойного родителя, вынуждая влачить полуголодное существование.

По закону несовершеннолетнему сироте требовался опекун, либо его должны были определить в приют. Но на той Богом забытой окраине царил такой хаос, что до брошенного подростка никому не было дела. Он выживал сам как умел.

Не подвернись ему тогда скаут крупного развлекательного медиахолдинга, юноша, скорее всего, сгинул бы на той свалке, задохнувшись от ядовитых испарений или умерев от истощения.

Именно те беспросветные дни, когда он существовал на грани выживания, словно ничтожное насекомое, привили ему непреходящее, леденящее душу чувство одиночества.

— Помню, в моей каморке завелась крыса, — тихо проговорил Гу Пэйань. — Она без конца грызла мои старые башмаки. Но я не прогонял её. Напротив, делился с ней последней коркой хлеба.

Человеку жизненно необходимо общество себе подобных.

Когда ты остаёшься один на всей планете, пустота внутри разрастается бездонной пропастью. И этот сосущий голод души способен лишить рассудка любого.

В ту пору он отчаянно тосковал по отцу. Ему хотелось вернуть тепло домашнего очага, ощутить, что он кому-то нужен. Мечта о ребёнке зародилась именно тогда. И она не угасла даже после того, как Гу Пэйань взошёл на вершину славы и стал кумиром миллионов.

Но совсем недавно всё изменилось.

— Несколько дней назад в лесу, неподалёку от храмовых цветочных полей, я наткнулся на лисицу, — Гу Пэйань живо всплеснул руками, показывая размеры зверька. — Белоснежная, с ярко-голубыми глазами. Невероятный милашка.

— Вот как? — отозвался Цзэлянь, ничем не выдав своего смущения.

При воспоминании о пушистом комочке лицо Гу Пэйаня озарилось нежной улыбкой.

— Знаешь, когда я увидел его, то подумал: чёрт с ними, с детьми, мне нужен этот лисёнок!

— Значит, он избавил тебя от тоски? — поинтересовался бог.

— Нет, — мягко поправил его Гу Пэйань. — Точнее будет сказать, что Гоудань исцелил мою израненную душу. Да, кстати, я назвал его Гоуданем.

Цзэлянь лишился дара речи. Сложив руки за спиной, он молча отвернулся, не в силах вынести этот позор.

В раскалённый, бурлящий океан лавы внезапно ворвался ледяной сквозняк.

Белый Лотос, съёжившись от холода, украдкой перевёл полный благоговейного ужаса и восхищения взгляд на Гу Пэйаня.

«Дать великому божеству-покровителю кличку Гоудань... Смертный, ну ты и безумец!»

— Божественный покровитель... э-э, то есть, дорогой супруг, ты обиделся? — Гу Пэйань осторожно заглянул богу в лицо.

Он и представить не мог, что от этого развязного обращения Цзэлянь едва не поскользнулся на краю обрыва и чуть не рухнул прямо в кипящую бездну.

— Как ты меня назвал? — ледяным тоном переспросил он.

— Мужем, — простодушно хлопнул ресницами Гу Пэйань. — Ну, или супругом.

Лицо Цзэляня окаменело.

— Чтобы я больше этого слова не слышал.

— Тебе не нравится? — заметив его недовольство, Гу Пэйань рассмеялся и придвинулся ближе. — Но у нас, смертных, так принято величать свою половину после свадьбы. Обращаться к тебе «о великий бог» как-то глупо и официально. Звать «сладким» или «малышом» — слишком слащаво. По-моему, «муж» — в самый раз.

— Можешь называть меня по имени, — процедил Цзэлянь.

— Лянь-Лянь? — Гу Пэйань расплылся в лукавой улыбке.

На лбу Цзэляня явственно проступила вена. Собрав в кулак остатки самообладания, он выговорил:

— Цзэлянь. Меня зовут Цзэлянь.

— Ну хорошо, хорошо, как скажешь, дражайший супруг Цзэлянь, — покладисто согласился юноша, продолжая посмеиваться.

Цзэлянь лишь шумно выдохнул, пытаясь совладать со вспышкой гнева.

«И ведь ничего ему не сделаешь, — с досадой подумал Цзэлянь. — Придётся ночью, когда верну истинный облик, немного разворотить этот дом».

Впрочем, огненные чертоги внутри божественного алтаря были непригодны для хрупкой человеческой плоти. Вскоре Гу Пэйань почувствовал, что изнывает от жажды. На его раздумянившимся лице выделялись сухие, потрескавшиеся губы, которые он то и дело облизывал.

Заметив это, Цзэлянь без лишних слов увлёк супруга прочь из обители.

Они мгновенно перенеслись назад. Застывшее мгновение растаяло, время вновь потекло своим чередом, и съёмочная группа даже ничего не заподозрила. Разве что режиссёр Лань Си потёр затёкшую шею, жалуясь на внезапную ломоту в плечах.

Работа над фильмом возобновилась. С каждым часом совместные сцены давались им всё легче.

Связывающие их брачные узы стёрли остатки неловкости, так что любые прикосновения и нежности в кадре выглядели пугающе естественно.

Лань Си пребывал в полном восторге и то и дело рассыпался в комплиментах:

— Учитель Гу, потрясающая игра! Вы превосходите самого себя!

От такой искренней похвалы Гу Пэйань даже немного смущался.

Сценаристка Ван вторила режиссёру, сияя от восторга:

— Между вами такая невероятная химия! Настоящие искры летят!

«Неужели так заметно?» — подумал Гу Пэйань.

Он поспешно уткнулся в сценарий, изо всех сил сдерживая улыбку. Но спорить со сценаристкой не стал бы: притяжение Цзэляня он ощущал почти физически. И, признаться, с огромным нетерпением ждал съёмок сцены с поцелуем.

В конце смены Лань Си объявил долгожданную новость: грузовой челнок с припасами прибудет ровно через неделю.

Ло Син, которому безвылазное сидение в убежище казалось вековой пыткой, воспрянул духом.

Наконец-то забрезжила надежда вернуться в цивилизацию!

После того как они побывали в укрытом от чужих глаз святилище, невидимая преграда между ними окончательно рухнула. Хотя, возможно, это было лишь принятием желаемого за действительное со стороны Гу Пэйяня.

Всё-таки сложность «S5+», горевшая на его игровой карте, недвусмысленно намекала: соблазнить древнее божество — задача из разряда невыполнимых. Но теперь у них появился козырь. Ребёнок.

Любовь — штука зыбкая, на ней одной крепкий союз не построишь, а вот общее дитя связывает намертво. И пусть Гу Пэйянь не имел ни малейшего понятия, как именно зародился этот плод и унаследовал ли он кровь Цзэляня, это ничуть не мешало ему считать бога законным родителем.

«Какая разница, чья там кровь! Главное — чудо сотворил именно он, так что увиливать от ответственности поздно!» — упрямо подумал Гу Пэйянь.

Устроившись поудобнее на мягких простынях, Гу Пэйянь лениво слушал бубнящий голос робота Сяо Аня, зачитывающего пособие для будущих отцов, и мысленно предавался сладостным мечтам о счастливой семейной жизни с божественным супругом.

— Апчхи!

Где-то в углу комнаты белоснежный лисёнок с лазурными глазами звонко чихнул, встрепенувшись всем телом.

Робот Сяо Ань монотонно бубнил динамиком:

[Преимущества грудного вскармливания]

[- Питательность: материнское молоко содержит весь комплекс необходимых младенцу веществ и легко усваивается.]

[- Защита: естественные антитела оберегают новорождённого от инфекций в первые полгода жизни.]

[- Практичность: молоко стерильно, обладает идеальной температурой и всегда готово к употреблению...]

Гу Пэйань приоткрыл подол шёлкового халата, бросил унылый взгляд на свою абсолютно плоскую грудь и со вздохом запахнул полы обратно.

Цзэлянь покосился на него, недоумевая, какую ещё нелепицу задумал этот странный смертный.

— Гоудань, иди ко мне! — ласково позвал Гу Пэйань, распахивая объятия.

Лисёнок с превеликой неохотой, но с царственной грацией приблизился к постели и привычно нырнул под мышку юноши.

Божество уже успело убедиться на собственном опыте: у теплокровных людей именно это место было самым уютным.

Гу Пэйань переложил лисёнка себе на грудь и озабоченно вздохнул:

— Гоудань, послушай, а ты умеешь делать кошачий массаж лапками? Ну, мять лапами? Отец как-то рассказывал мне, что в древности домашние питомцы часто мяли хозяев лапами, отчего у тех грудь наливалась силой. У меня-то там совсем ничего нет, а малышу скоро понадобится молоко.

Цзэлянь застыл от неожиданности.

«Что ещё за разминание лапами?» — растерянно подумал бог.

Похоже, чтобы разобраться в подобных тонкостях смертных, ему придётся созвать совет других богов.

<http://bllate.org/book/20372/2215076>